

Дорогая Тамара Александровна! Поздравляем от всей души со славным юбилеем, желаем благоденствия и крепкого здоровья!

**Тамара
ЧЕРЕМНОВА**
ДВА РАССКАЗА



ВЕСНЯНКА

Крепко еще спит сибирская тайга под жгучей шубой снегов. Всех разогнал мороз трескучий по своим норам, дуплам да берлогам. А тем, кому некуда спрятаться, худо в зимней тайге. И не смилостивится мороз, важно ходит он по лесу и подправляет сугробы, тронутые настырным солнцем. И слышно только, как потрескивают заиндевевшие деревья. Да серебряный месяц с небес стелет свою светлую дорожку на эти великолепные снега. Бежит, пробивается эта дорожка в самую глушь тайги, туда, где утонула в пышном сугробе убогая сторожка. И хотя ее замело по самую крышу, все равно видно, как светится в сторожке оконце. Это коротают зимнее время Веснянка и ее старая нянюшка.

Вертится перед ледяным зеркалом Веснянка, все ларцы с драгоценностями открыла. То одну нить ледяного жемчуга возьмет и капризно глянет в чистый лед-зеркало, то другую нить – все перебрала! Да только в тот вечер никакой жемчуг ей не подходил. Потом было примерено самое любимое ожерелье – из тонюсеньких льдинок – словно чистый горный хрусталь нанизан на нитку. И у самой Веснянки две таких же льдинки в глазах застыли. И опять все ей не то! Вот уж и заветный ларец открыт – в нем

хранится дорогой венец. Из крепчайшего льда этот венец – заморожен самой лютой стужей, кован всеми сибирскими морозами, гранен и отшлифован шальными ветрами. Примерила его Веснянка на голову – грандиозно! А у самой в лице ни капельки тепла, лишь две ледышки в глазах холодно искрятся. И снова ей что-то не нравится. Заглянула еще раз в ларец и узрела там белую блестящую ленту.

– Ой, нянюшка, что это? Какая необыкновенная лента! – восхитилась Веснянка.

– Ох батюшки! – всполошилась старушка. – Я совсем забыла строгий наказ матушки-метелицы. Эту ленту я должна вплести в твою косынку, голубушка моя, в самый последний вечер первого весеннего месяца.

– Скажи, а зачем мне надо вплетать эту ленту? Скажи, а то не дам вплести! – передернула плечами Веснянка, разглядывая белоснежную ленту, на которой вился причудливый узор из легких снежинок, словно лента была соткана из зимнего забвения.

– Присядь-ка, милая, и я расскажу тебе все, о чем сама знаю, а заодно и ленту вплету, – упростила нянюшка Веснянку.

Присела Веснянка у ног нянюшки, и та начала свой сказ:

ЧЕРЕМНОВА Тамара Александровна родилась 6 декабря 1955 года в Сталинске (Новокузнецке). Известна как «Рассказчик Сибири». В 2004 году победила в карельском литературном конкурсе, организованном писателем Александром Гезаловым. Автор книг «Из жизни волшебника Мишуты», «Трава, пробившая асфальт», «Сказки на ночь» и др. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

– Ворожила матушка-метелица на таежном озере, и привиделось ей, что в Веснянкину косу надо обязательно вплести снежную ленту, чтоб охладить горячую головушку девицы. А иначе случится беда.

– Какая беда, нянюшка? – насторожилась Веснянка.

– Да говорят, будто бы глянет однажды в наше оконце светлоокий принц, и убежит Веснянка за ним из своей сторожки.

– А для чего ему глядеть в наше оконце? – пожалала плечами Веснянка.

– Чтоб влюбиться в тебя, – улыбнулась нянюшка. – А чтоб влюбиться, ему надо сначала тебя увидеть.

– А как зовут этого принца, нянюшка? – не унималась Веснянка.

– Март... – Тяжело выдохнула нянюшка это имя: сердцем чувствовала она, что грядет беда, что плохо придется непокорной Веснянке.

– Ах нянюшка!..

Вскочила Веснянка и так тряхнула головой, что не удержался венец и, в последний раз сверкнув миллиардом искр, рассыпался навсегда. Веснянка прыгнула за порог и исчезла в таежной темени. А снежная лента так и осталась в заботливых руках старой нянюшки.

Веснянка как была босая, так и побежала, не оглядываясь, по обманчивой дорожке серебряного месяца – не терпелось ей увидеть светлоокого принца по имени Март. Долго бежала она, а когда наступило утро, присела Веснянка отдохнуть на лесной полянке. «Ну где же ты, принц? Тот, кто хочет в меня влюбиться? – зашептала она. – Как мне хочется поскорее тебя увидеть!» – И, обессиленная, заплакала, склонив усталую голову.

Спустя некоторое время то место, где сидела Веснянка, оттаяло, а ее светлые девичьи слезы проросли робкими подснежниками.

Спешит девица в поисках светлоокого принца, а за ней преданным псом бежит первый весенний ручей, ластится, лижет своим холодным языком ее голые пятки, подслушивает ночами Веснянку в бреду, а днем всему свету рассказывает про ее грезы. И тянется за ними сумятица, которая, как дурман колдовской, тревожит живые сердца, торопит уставшие птичьи стаи, проникает в человечьи души, рождая в них сладкую грусть и напоминая, что настало святое время любви. И нет теперь в глазах Веснянки льдинок,

в них уже оттаявший таежный омут плещется. И бежит она, торопится, и невдомек ей, что надо остановиться и подумать: где же все-таки ее суженый. Впереди? И она его вот-вот догонит? Или он уже далеко позади нее остался, а она проскочила мимо?

Эх, не успела старая нянюшка остудить снежной лентой горячую головушку Веснянки! Не успела...

ЗАПОЗДАЛЫЙ ВАЛЬС ОСЕНИ

...И почему это должно было произойти в маленьком печальном дворике? Не потому ли, что в этот таинственный уголок редко заглядывало солнце, и уже к середине августа на деревьях появлялась желтая листва, а асфальт вечно не просыхал от дождевых луж. Редкие прохожие, попадая в этот мрачноватый дворик, зябко передергивали плечами и спешили поскорее удалиться.

Давно нет уже этого дворика, он остался там, в прошлом. Теперь туда от нас уходят наши обиды и радости, несбывшиеся надежды и еще то, о чем мы не желаем вспоминать, да еще наши первые любимые, которых мы почему-то всегда торопимся забыть.

А тогда... Тогда был просто вечер, последний вечер лета. Большие, влажные звезды августа, срываясь, падали в теплые травы. Все и всех скрыла тогда эта ночь. И только этот странный дворик нарушал ее гармонию. Из глубины дворика вырывался вальс, он то исчезал в глубине пластинки, то снова рвался ввысь, тревожа ночь. Видимо, пластинку очень часто крутили. Через несколько минут этот вальс, наверное, затих бы, если бы во дворик не заглянула рыжая немолодая женщина – Осень. Она подошла, прислушалась и пошла в глубь дворика, туда, где играла пластинка.

– Как хорошо, что вы пришли ко мне на вальс! – вдруг раздался возле нее звонкий юный голос.

И тут женщина увидела молодого человека. Это был сам Август!

– Ну что вы, я здесь совершенно случайно, я просто услышала музыку, – стала оправдываться женщина, нервно сжимая пальцы своих усталых рук.

– Не стесняйтесь, это же вальс! А вальс подходит любой женщине в любом возрасте.

Женщина даже не успела ничего ответить,

как вихрь вальса подхватил ее и вознес над спящим обыденным миром. Вальс словно вырвался из старой пластинки и закружил эту ночь. Земля, небо, деревья, звезды, дома – все поменялось местами и закрутилось в этом вихре. А у женщины словно горб свалился с плеч – горб, сложенный из прожитых лет и накопившейся усталости, – и она вновь почувствовала себя молодой, легкой, полной жизненных сил. Тут она осмелилась поднять на мужчину глаза – и адским огнем полыхнули ее щеки от его пристального и внимательного взгляда. И ей захотелось прямо сейчас утонуть в любви, спрятаться в этом спокойном бархате черных глаз. Но она только бессильно уронила голову на мужское плечо и подумала: «Милый, что ж ты так запоздал?».

А вальс неистовствовал над спящим миром. Но вот его темп стал замедляться и перешел в плавный ритм. Необычная пара наконец-то коснулась земли. Женщина оторвалась от мужского плеча и без чувств повалилась на ветхую скамейку, уронив свою рыжую голову на обнажен-

ную руку, и задремала с полной хмельного вальса головой. А молодой Август, сделав несколько шагов, растворился в темноте последней летней ночи. Пластинка жалобно всхлипнула и смолкла. И на нее упал осенний лист.

А утром, когда солнце на минуту заглянуло в этот дворик, женщина проснулась, огляделась, и не поверилось ей, что прошедшей ночью здесь неистовствовал вальс. Она обвела взглядом неприветливые серые стены домов, обшарпанную скамейку, на которой спала. Рядом стоял чей-то выброшенный разбитый патефон с треснутой пластинкой. Она зябко повела плечами: неужели именно здесь она кружилась в вальсе?

– Да, здесь все так и было в прошедшую ночь. И сейчас у тебя горчинка в груди, а все потому, что тебе снова хочется сладкого бабьего лета, – вдруг заговорило сердце.

– Да, мне снова очень хочется сладкого бабьего лета! – призналась самой себе, пряча усмешку в ладони, рыжая женщина – Осень.

